

Скворцов Алексей

Эпос о Гильгамеше

О всё видавшем

18+

Алексей Скворцов

**О всё выдавшем. Эпос о
Гильгамеше. Книга первая.
Тирания и создание соперника**

«Автор»

2026

Скворцов А.

О всё издавшем. Эпос о Гильгамеше. Книга первая. Тирания и создание соперника / А. Скворцов — «Автор», 2026

«Тирания и создание соперника» — это поэтическое переосмысление древнейшего эпоса человечества, рассказанного через женский взгляд. В центре повествования — Гильгамеш, царь Урука, «на две трети бог, на одну — человек», чья необузданная сила превращает город в клетку страха. Народ стонет от его тирании, и боги создают ему равного — дикого Энкиду, вылепленного из глины. Их встреча сталкивает два мира: цивилизацию и дикость, силу и свободу, одиночество и дружбу. Но между ними стоит женщина — храмовая блудница Шамхат, чья любовь превращает зверя в человека и навсегда меняет судьбу Урука. Это история о том, как тирания рождается из одиночества, как дружба становится сильнее смерти, а любовь — единственным мостом между мирами. Книга воссоздана с помощью искусственного интеллекта на основе древних глиняных табличек «Эпоса о Гильгамеше», с сохранением духа первоисточника и глубокой психологической достоверностью.

© Скворцов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение. Глина, которая помнит	5
Глава 1. Гильгамеш, владыка Урука	8
Глава 2. Небесный совет и рождение Энкиду	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алексей Скворцов

О всё выдавшем. Эпос о Гильгамеше. Книга первая. Тирания и создание соперника

Введение. Глина, которая помнит

Эпиграф. Слово к той, кто возьмёт эту книгу

Ты держишь в руках не просто глину, Не просто буквы, вдавленные в век. Ты держишь крик, который не остынет, Пока живёт на свете человек.

Здесь стены Урука – выше облаков, Здесь слёзы женщин – глубже Евфрата. Здесь два мужчины, рождённые для богов, Находят друг друга ценой утраты.

Не бойся этой истории, сестра, Она жестока, но она правдива. Ты узнаешь в ней своё зеркало – остра, Как лезвие, но в ней – твоя крапива.

Читай, и помни: даже самый сильный Слабеет, когда теряет своего друга. И даже самый дикий – становится сильным, Когда касается женского круга.

I. Таблички, которые не молчат

Представь себе ночь в библиотеке царя Ашшурбанапала. Глиняные таблички лежат на полках, уложенные в корзины, как сухие листья, которые ждут, когда их прочитают. Свечи мерцают, отбрасывая тени на стены, и воздух пахнет пылью, воском и временем. Там, среди тысячи других текстов, лежит один – «О всё выдавшем». Его название – скромное, почти стыдливое, как у старика, который не хочет говорить о своей молодости.

Но внутри – бьётся сердце. Сердце древней истории, которая старше, чем любой храм, чем любая империя, чем любой бог, которому мы молились. Эта история была рассказана впервые, когда ещё не было письменности, когда люди сидели у костров и передавали слова из уст в уста. Она менялась, обрастала новыми деталями, теряла старые, но её суть оставалась неизменной.

Суть эта – о человеке, который слишком силён, чтобы быть счастливым. О человеке, который слишком одинок, чтобы быть добрым. И о другом человеке, который был создан из глины, чтобы остановить его, но в итоге стал его братом.

Я переписываю эту историю для тебя, моя читательница. Не для учёных мужей, которые спорят о вариантах текста, и не для школьников, которые зубрят имена богов. Для тебя. Потому что в этом эпосе больше женской правды, чем кажется на первый взгляд.

Там, за громкими битвами и божественными проклятиями, прячутся женские лица. Они почти невидимы, как тени, но именно они двигают сюжет. Богиня-мать Аруру, которая лепит Энкиду, потому что слышит плач матерей Урука. Храмовая блудница Шамхат, которая не просто соблазняет дикаря – она создаёт из него человека, она становится его проводницей в мир, который он не знает. И сама Иштар, богиня любви, которая отвергнута и от этого становится смертельно опасной.

Но есть и другие, безымянные женщины: невесты, которых Гильгамеш берёт в первую ночь; матери, которые провожают сыновей на военные игры; жёны, которые молчат, когда мужа возвращаются разбитыми. Их голоса не записаны на табличках, но я слышу их. И я хочу, чтобы ты тоже услышала.

II. Тирания как зеркало

Урук стоит на берегу Евфрата уже тысячи лет. Его стены, сложенные из обожжённого кирпича, до сих пор видны, если знать, где искать. Но настоящий Урук – не в камнях. Он в нас. Он в тех, кто когда-либо чувствовал себя раздавленным чужой волей. В тех, кто смотрел на сильного и думал: «Почему он имеет право на всё, а я – ни на что?»

Гильгамеш – это тиран, которого мы знаем. Он красив, он бессмертен (почти), он силен, как ураган. Он не знает границ своим желаниям, потому что никто не смеет ему отказать. Он берёт невест, потому что может. Он угоняет юношей на военные упражнения, потому что ему скучно. Он строит стены, потому что хочет оставить след.

Но вот что мы забываем: тирания рождается не из злобы. Она рождается из одиночества. Когда ты сильнее всех, ты не можешь ни с кем разделить свою силу. Когда ты красивее всех, ты не знаешь, кто любит тебя за тебя, а кто – за твой блеск. Гильгамеш – не просто злодей. Он – человек, который задыхается в собственной мощи, как рыба, выброшенная на берег.

И именно поэтому боги создают ему соперника.

Энкиду – это ответ на его одиночество. Глина, смешанная со слюной и кровью богини, ожившая в степи. Он не знает ни городов, ни законов, ни лжи. Он – чистый инстинкт, дикая свобода, которую люди потеряли, когда построили первые стены. Он – тот, кто может сказать Гильгамешу «нет», потому что он не боится его.

Но для того, чтобы встретиться, они должны пройти через женщину.

III. Женщина как мост

Шамхат – не просто блудница. В древнем мире храмовые блудницы были священными. Они принадлежали богине Иштар, и через них передавалась мудрость, сила, жизнь. Они были вратами между мирами – между божественным и человеческим, между дикостью и цивилизацией, между мужчиной и мужчиной.

Именно Шамхат становится инструментом, который превращает зверя в человека. Она не насилует его – она пробуждает. Она не учит его словам – она учит его чувствам. Она не просто дарит ему плотскую любовь – она дарит ему уязвимость. Потому что, пока ты не знаешь, что такое желание, ты не знаешь, что такое боль. Пока ты не познал женщину, ты не знаешь, что такое потеря.

Она платит за это высокую цену. Она теряет своё положение, свою безопасность, свою привычную жизнь. Но она приобретает нечто большее: она становится первой женщиной, которая увидела, как рождается душа. Она смотрит на Энкиду, когда он впервые плачет, когда он впервые ест хлеб, когда он впервые говорит «я». Она – его мать, его любовница, его сестра, его учительница.

В нашем мире женщины часто бывают мостами. Мостами между мужчинами, между поколениями, между войной и миром. Мы не всегда выбираем эту роль – она сама находит нас. Но когда мы принимаем её, мы меняем ход истории.

IV. Дружба, которая сильнее смерти

Самое важное в этой истории – не битва, не победа, не поражение. Самое важное – то, что происходит после того, как Гильгамеш и Энкиду сражаются и падают, обессиленные, на землю. Они смотрят друг на друга и видят себя. Они видят своё отражение – не в глиняной табличке, а в живых глазах.

Их дружба становится легендой. Она сильнее, чем любое оружие, чем любой божественный указ. Они вместе идут на подвиги, вместе убивают Небесного Быка, вместе бросают вызов богам. Но вместе они и встречают смерть.

Смерть Энкиду – это поворотный момент. Гильгамеш, который никогда не плакал, плачет так, что земля содрогается. Он теряет ту часть себя, которую приобрёл через Шамхат. Он снова остаётся один – но теперь уже не как тиран, а как человек, знающий, что такое потеря.

Этот момент – для нас, женщин. Потому что мы знаем, что такое терять. Мы теряем детей, мужей, родителей, надежды. Мы хороним их внутри себя и продолжаем жить. Гильгамеш ищет бессмертие, но находит только бессмертие скорби. Он возвращается в Урук, пустой, но мудрый.

V. Почему эта книга для тебя

Ты, моя читательница, – не просто зрительница. Ты – участница этой истории. Потому что она – о тебе. О твоей силе, которая иногда становится тиранией. О твоей уязвимости, которая может стать дверью для любви. О твоих страхах, о твоём одиночестве, о твоих надеждах.

В этом мире, безжалостном и древнем, ты можешь узнать свою жизнь. Ты видела, как мужчины, лишённые равных, становятся жестокими. Ты видела, как любовь переделывает дикарей в людей. Ты видела, как дружба разбивает стены.

Я не обещаю тебе счастливого конца. В этой истории нет хэппи-энда – только глубокая правда. Но я обещаю тебе, что, дочитав до конца, ты станешь немного сильнее. Потому что ты поймёшь: даже самый могущественный царь слабее, когда его друг умирает. И даже самая простая женщина сильнее, когда она становится мостом.

Так что открой эту книгу. Вдохни запах глины и древнего ветра. Посмотри в глаза тем, кто встретится тебе на страницах. Они ждали этого тысячи лет. Они хотели, чтобы их история была рассказана – не как эпос, а как исповедь.

И теперь она перед тобой.

VI. Последнее слово перед началом

Мы стоим на пороге. Ты – на пороге этой книги. Гильгамеш – на пороге своей встречи с Энкиду. Шамхат – на пороге того, чтобы стать большим, чем она могла себе представить.

В воздухе висит напряжение. Боги смотрят на нас сверху. Ветер доносит крики людей, которые ещё не знают, что их жизнь скоро изменится.

Я протягиваю тебе руку.

— Ты готова?

Ответь мне, когда перевернёшь страницу. Но знай: обратного пути нет.

Глава 1. Гильгамеш, владыка Урука

I. Город, который построил страх

Представьте себе Урук. Нет, не просто город из пыли и кирпича, а **живое существо** — гигантское, разбуженное, дышащее зноем и потом.

Его стены поднимаются к небу так высоко, что облака цепляются за зубцы, словно стаи белых овец, запутавшихся в шерсти. Их сложил сам Гильгамеш — не руками простых смертных, а гневом богов, облечённым в плоть. Глина здесь замешана на слезах, а известь — на мужском поте. Город стоит на берегу Евфрата, и воды реки несут его славу далеко на юг, к болотам, и на север, к кедровым лесам, где спит чудовище.

Но если вы войдёте в Урук не как гость, а как житель, вы почувствуете другое.

Вы почувствуете **страх**.

Он висит в воздухе плотнее, чем утренний туман. Он оседает на лепёшках, которые пекут женщины, на губах детей, которые шепчут молитвы, и на медных кольцах в ушах девочек, что бегают по рынку. Этот страх — не тень врага за стенами. Этот страх — **царь**.

II. Тот, кто на две трети бог

Гильгамеш.

Произнесите это имя, и гортань сожмётся. Г – гортанный, рокошующий, как рык льва. И – пронзительный, как свист стрелы. Л – мягкий, обманчивый, как шёлк. Га – мощный, как удар молота. Меш – шипящий, как песок, сыплющийся в вечность.

Он был зачат не в человеческой постели. Его мать — **богиня Нинсун**, дикая корова небес, чьи глаза сияли холодным светом звезды Венеры. Его отец — **Лугальбанда**, смертный герой, который однажды вошёл в её храм и вышел уже не совсем человеком. С той ночи в жилах Гильгамеша смешались кровь бессмертных и кровь земли.

И боги дали ему всё.

Всё, кроме одного — **права на покой**.

Когда он шёл по городу, мраморные плиты трескались под его ногами. Когда он смеялся, стёкла в домах дребезжали, и грудные младенцы просыпались с криком. Его тело было вылеплено скульптором, который не знал меры: грудь – как медный щит, плечи – как крылья орла, бёдра – как стволы кедров, а лицо... лицо было столь прекрасным, что женщины падали в обморок, глядя на него, а потом проклинали себя за эту слабость.

Станем на миг рядом с ним. Закройте глаза. Чувствуете?

Это запах его кожи – смесь мирры, пота и молний. Это гул его голоса, от которого у вас внутри, под рёбрами, начинает дрожать струна, которой вы не знали. Это его тень, которая падает на вас, и вы становитесь меньше, ничтожнее, но одновременно – избраннее, потому что он посмотрел на вас. Хотя бы краем глаза.

III. Тирания как искусство

Но красота не спасает от жестокости. Вы знаете это, женщина, которая держит эту книгу в руках. Вы знаете, что самые прекрасные мужчины – часто самые опасные.

Гильгамеш не знал усталости. В его жилах билось пламя, которое нельзя было погасить ни вином, ни женщиной, ни даже кровью врагов. Он воевал с соседними городами не ради земли – ради азарта, ради того, чтобы слышать хруст костей под своими кулаками. Он возвращался в Урук, покрытый чужой кровью, и его глаза горели, как угли. Но война заканчивалась. И тогда его энергия, не находящая выхода, обрушивалась на собственный народ.

Стих 1. Плач отцов Урука

(поют старцы на площадях)

Кто даст нам ночь, чтоб сын уснул на ложе? Кто даст нам день, чтоб дров наколоть? Владыка наш не знает слова «тоже» — Ему бы только мышцы размолоть.

Он будит юношей в четвёртом часу, Ведёт их в степь, где ветер режет рот. Они не знают ни любви, ни ласки, Они – его колчан, его оплот.

Отцы седеют, матери рыдают, Когда он кличет ратников в поход. «Мой сын, – кричат, – вернись, тебя съедают, — Здесь, в городе, твой собственный оплот!»

Вы слышите этот плач? Он не громкий – он тихий, как скрежет ногтей о глину. Отцы Урука не смеют поднять глаз на царя. Они только шепчутся по ночам в своих двориках, пока жёны зашивают порванные одежды. Каждое утро они провожают сыновей на площадь, где Гильгамеш устраивает состязания. Юноши мечут копья, борются, бегают до потери сознания. И если кто-то падает – царь поднимает его за волосы и шепчет:

— Встань. Ты слаб, как мокрая глина. Я вылеплю из тебя воина.

Он не видит в них людей. Он видит инструменты. Своей славы. Своей вечности.

IV. Право первой ночи

Но есть вещь страшнее, чем военные игры. Есть вещь, которая заставляет женщин Урука зажимать рты руками, чтобы не закричать.

В каждом городе Междуречья был обычай: царь – наместник богов на земле – благословляет брак. Но Гильгамеш превратил благословение в проклятие. Он входил в дом жениха раньше, чем тот успевал коснуться руки своей невесты. Он проводил с ней ночь – и уходил на рассвете, оставляя на простынях кровь и запах своей божественной плоти.

Что чувствовала она, та невеста?

Представьте.

Двадцать лет она мечтала о свадьбе. Мать учила её, как угождать мужу, как месить тесто, как рожать детей. Она шила себе платье из льна, самого тонкого, белого, как облака. Она выбирала украшения – бусы из сердолика, серебряные кольца. И в брачную ночь она ждала своего избранника – юношу, который смотрел на неё влюблёнными глазами на празднике.

Но дверь распахивается.

Входит **Он**.

Его рост заслоняет лунный свет. Его плечи заполняют весь дверной проём. Он пахнет не любовью, а битвой. Он смотрит на неё не как на жену, а как на трофей. И он говорит низким голосом, от которого у неё подгибаются колени:

— Ты сегодня моя.

Вы чувствуете этот страх? Это не страх боли – боль женщины терпят. Это страх **исчезновения**. Страх того, что в эту ночь ты перестанешь быть собой и станешь просто сосудом для его бога. Страх того, что утром твой муж будет смотреть на тебя и видеть не жену, а место, где лежал царь.

Стих 2. Шёпот невесты

(из глиняной таблички, найденной под полом)

Он взял меня, как сокол – горлицу, Рукой железной, как капкан. Я не могла ни гнать, ни молиться, Мой крик увял, как жёлтый хан.

Его глаза – две злые молнии, Их свет прожжё меня до дна. Я стала тенью в этой комнате, Я стала глиной, не женой.

Когда он утром вышел за порог, Я чувствовала, что внутри – огонь. Не страсть, не жизнь, а только Бог — И проклятая ладонь.

Она пишет это ночью, пока жених спит рядом, отвернувшись к стене. Он не смотрит на неё. Он не может смотреть. Потому что в её глазах – отражение царя. А царь – это больше, чем муж. Царь – это судьба.

V. Молитвы, которые достигают неба

Проходит день. Проходит неделя. Месяц.

В Уруке больше нет счастливых свадеб. Есть только резиновые улыбки, сжатые кулаки и ночные слёзы. Мужчины стали прятать своих дочерей, выдавать их замуж тайно, за пределами

городских стен. Но Гильгамеш узнаёт всё. Его шпионы – ветры. Его глаза – вороны, кружащие над Уруком.

И тогда народ делает то, что умеет делать только народ, доведённый до отчаяния: он **падает на колени**.

Не на площади – там опасно. А в храмах. На крышах. В подвалах. Сотни людей, тысячи людей поднимают руки к небу и говорят:

— Ану! Великий отец! Мы не просим золота. Мы не просим дождя. Мы просим только одно: **усмири его**.

Стих 3. Молитва народа

(хор, звучащий над стенами Урука)

Владыка неба, Ану, услышь! Наш город – скорбь, наш хлеб – полынь. Царь наш – не пастырь, он – огрызок, Он пьёт наш пот, он ест нашу гордыню.

Зачем ты дал ему такую силу? Зачем ты дал ему такую стать? Мы задыхаемся в его могиле, Мы не хотим гореть и умирать.

Пусть встретит он того, кто равен силой, Пусть боги создадут ему врага, Чтоб обуздать его, как зверя в мыле, Чтоб рухнула тирании нога!

Эти слова летят вверх, как стая голубей. Они проходят сквозь облака, сквозь сферы ветров, сквозь звёздные врата. И наконец достигают трона.

VI. Что чувствует бог, слыша это?

Ану сидит на своём лазоревом троне. Его рука сжимает скипетр из обсидиана. Он смотрит вниз, на Урук, и видит маленьких муравьёв – людей, которые кричат. И он удивляется.

— Гильгамеш, — говорит он, — ты моя гордость. Я вдохнул в тебя огонь. Но ты сжёг мой храм. Ты сжёг моих верных слуг. Ты превратил мой подарок – бессмертную волю – в проклятие для смертных.

И он поворачивается к богине-матери Аруру, которая сидит рядом, вышивая узоры из звёзд.

— Сделай что-нибудь.

Аруру поднимает глаза. Её взгляд – нежный, но твёрдый, как глина, которую она месит.

— Сделай того, кто будет равен ему. Не слабее. Не сильнее. **Равен**. Чтобы он знал: он не единственный. Чтобы его божественная гордыня разбилась о такую же гордыню.

Она берёт в руки кусок глины. Вы чувствуете, как она мнёт его? Пальцы богини – нежные, как лепестки, но сильные, как корни. Она смачивает глину своей слюной – не простой, а той, что рождает звёзды. Она вплетает в глину крик степного ветра и тень дикого быка.

— Я создам ему соперника.

Но мы пока не знаем этого соперника. Мы только слышим, как в степи, далеко за стенами Урука, ломается камень. Кто-то выходит из земли. Кто-то смотрит на луну и впервые видит её по-человечески.

А в городе – Гильгамеш спит. Ему снится сон: к нему приходит секира, которой нет имени, и ложится рядом с ним, как жена.

И Гильгамеш просыпается в холодном поту.

Он не знает, что глиняный кусок уже дышит. Он не знает, что скоро их встреча потрясёт не только Урук, но и всё Междуречье.

Он знает только одно: он **голоден**.

Голоден по битве. Голоден по любви. Голоден по вечности.

Глава 2. Небесный совет и рождение Энкиду

I. Трон, на котором сидит молния

Представьте себе небо не как пустоту, а как **зал**. Бесконечный, сияющий, выложенный лазуритом и золотом. Там, за семью слоями ветров, за колесницами солнца, собираются те, кого мы зовём богами. Но они не похожи на тех, кого рисуют на стенах храмов. Они — живые, они — дышащие, они — **уставшие**.

Уставшие от криков Урука.

Крики поднимались к ним каждую ночь, как дым от жертвенного костра, только вместо ладана — слёзы. Они просачивались сквозь звёздную решётку, оседали на тронах, смешивались с амброзией и делали её горькой.

И тогда **Ану**, прародитель, отец всех богов, открыл глаза. Его веки дрогнули, и от этого движения в мире случилось землетрясение. Но он не обратил на это внимания. Он повернул голову к той, что сидела справа от него, на троне из слоновой кости.

— **Аруру**.

Он произнёс её имя, и в зале повисла тишина. Даже ветры замерли. Даже Иштар, вечно беспокойная богиня любви, перестала накручивать на палец прядь своих волос.

Аруру подняла взгляд. Она была не молода и не стара — она была **началом**. Её руки помнили тепло первой глины, которую она слепила, чтобы создать человека. Её губы помнили вкус того первого поцелуя, что она подарила первому мужчине. Она была матерью всего живого, но в этот момент в её груди закипала не нежность, а **гнев** на того, кого она же когда-то благословила.

— Ану, — ответила она, и голос её звучал как журчание горного ручья, но с острыми камешками на дне, — я слышу их. Я слышу каждую мать, которая плачет над пустой колыбелью. Я слышу каждую невесту, которая кусает подушку, чтобы не закричать. Я слышу отца, который ломает пальцы, сжимая кулаки.

— Он — твоё создание, — напомнил Ану, и в голосе его не было упрёка, была только усталая констатация. — Он на две трети бог. Ты вдохнула в него свою силу.

— Я вдохнула в него слишком много, — выдохнула Аруру. — Теперь он задыхается в этой силе. Он не знает, куда её деть. Он ломает всё вокруг, как бык, который ищет себе пару.

Она встала со своего трона. Её длинное одеяние из звёздной пыли струилось по полу, оставляя за собой мерцающий след. Она подошла к краю небесного балкона и посмотрела вниз, на Урук. Город казался муравейником, но она видела каждое лицо.

— Я создам ему **равного**, — сказала она, не оборачиваясь. — Не слабее. Не сильнее. Равного. Чтобы он познал горечь поражения. Чтобы он понял, что не он один на свете.

Стих 1. Гимн богини-матери

(Аруру обращается к собранию богов)

Смотрите: там, внизу, в пыли, Стоит мой сын, мой полубог. Он думает, что он один, Что никто не переступит его порог.

Но я слеплю ему брата из глины, Из той же глины, что и он. Пусть встретятся две половины, Пусть будет их незримый звон.

Я дам ему силу, равную буре, Я дам ему сердце, равное льву, И он научит моего гордеца, Что значит быть человеком наяву.

II. Глина, которая помнит

Аруру спустилась с небес. Она не шла по лестнице — она просто **оказалась** там, где начинается мир. На берегу реки, которая ещё не имела имени, там, где земля была мягкой и тёплой, как тело спящей женщины.

Она опустилась на колени.

Почувствуйте этот момент. Закройте глаза. Вы слышите, как хрустит сухая трава под её коленями? Как ветер играет с её волосами, развевая их, как знамёна? Она не богиня сейчас — она **скульптор**. Художник, который собирается создать шедевр, чтобы разбить другой шедевр.

Она запустила пальцы в землю. Глина была влажной, липкой, живой. Она пахла дождём, который ещё не пролился, и корнями, которые тянутся к свету. Аруру зачерпнула горсть и поднесла её к губам.

Она **плюнула** на глину.

Не презрительно, а свяшенно. Её слюна была не просто влагой — она была семенем жизни, искрой, которая пробуждает спящее. Она смешала глину со своей кровью — каплей, которая выступила на её пальце, когда она укололась о шип дикой розы. В этой крови был весь опыт: и радость творения, и боль потерь, и мудрость тысячелетий.

— Ты будешь моим ответом, — прошептала она. — Ты будешь воплощением того, что он потерял. Его дикость, его свободу, его необузданный дух.

И она начала лепить.

III. Как рождается дикий человек

Её пальцы танцевали. Это был танец, который длился всю ночь. Она вытягивала ноги — длинные, мощные, способные бежать за газелью. Она формировала грудь — широкую, как у быка, чтобы вместить лёгкие, способные выдержать бег на сотню миль. Она лепила руки — с пальцами, которые заканчиваются не ногтями, а **когтями**, как у орла, чтобы рвать плоть и камни.

Но самое главное — она создала **шерсть**.

Густая, тёмная, жёсткая, как щетина кабана. Она покрыла ею всё тело — от макушки до пят. Эта шерсть была не просто волосами — она была **бронёй** от холода, от жары, от стрел и от человеческого взгляда. Под этой шерстью пряталось сердце, которое ещё не знало, что такое любовь, и потому было чистым, как первый снег.

Голова. Аруру уделила голове особенное внимание. Волосы — длинные, как у женщины, спутанные, как корни древнего дерева. Они падали на лицо, закрывая глаза, но из-под них уже пробивался свет — дикий, золотой, как свет хищника, увидевшего добычу.

И наконец, она создала его **дыхание**.

Она наклонилась к безжизненной фигуре, лежащей на берегу, и выдохнула в его ноздри. Там, внутри, где должна быть душа, она оставила частицу степи — запах сухой травы, крик ястреба, дрожь земли под копытами бегущего стада.

Тело дрогнуло.

Пальцы сжались.

И он открыл глаза.

Стих 2. Пробуждение Энкиду

(его первое ощущение)

Я — глина, но я дышу, Я — камень, но я слышу. Степь в моей груди шумит, Ветер в моих жилах свищет.

Моё тело — дикий холм, Мои руки — корни дуба. Я не знаю, кто я, но я хочу бежать Туда, где трава губаста и груба.

Небо надо мной — как мать, Земля подо мной — как ложе. Я не знаю слова «боль», Я не знаю слова «дрожь» Я просто есть, и этого довольно — Я есть, пока я в степи, и никем не заколдован.

IV. Степь, которая стала домом

Аруру исчезла. Она не прощалась — она просто растворилась в утреннем свете, оставив своё создание одного. Он сел на песок, огляделся и увидел мир впервые.

Не так, как видит человек. Не так, как видит бог. А так, как видит **зверь**.

Он увидел каждый стебель травы отдельно — их количество, их цвет, их движение на ветру. Он услышал, как под землёй шевелятся черви, как в норе спит суслик, как далеко-далеко бьёт копытом о землю дикий осёл. Его ноздри расширились, втягивая ароматы: нагретая солнцем глина, пресная вода из источника, пот бегущих антилоп.

Он встал. Его тело было лёгким, несмотря на мощь. Он сделал шаг, и трава раздвинулась перед ним, как вода перед носом лодки. Он побежал — не потому что надо, а потому что **не мог иначе**.

Бег был его первой молитвой. Его ноги не знали усталости. Он бежал несколько часов, пока не увидел стадо газелей. Они замерли, подняв головы, готовые броситься прочь. Но в его взгляде не было угрозы. В его взгляде было любопытство.

Он опустился на четвереньки. Подошёл к водою. Опустил голову и начал пить — прямо ртом, как животное, припав к воде. Газели, увидев, что он не опасен, приблизились. Одна из них — молодая, с дрожащими ногами — коснулась носом его плеча. Он не шелохнулся.

Он принял её прикосновение как благословение.

С этого дня они стали его семьёй. Он спал среди них, сворачиваясь клубком, чувствуя тепло их тел. Он ел траву, коренья, дикие яблоки. Его желудок не знал хлеба, его язык не знал вина. Он был **чистым**, как первый человек до грехопадения.

V. Охотники и их страх

Но мир не состоял только из газелей.

Однажды, на закате, когда небо полыхало медью, Энкиду услышал странные звуки. Лязг металла. Хриплые голоса. Грохот падающих камней.

Он приподнялся на локтях и увидел их: людей. Они были маленькими, суетливыми, покрытыми тканью, которая скрывала их тела. Они ставили **ловушки** — ямы, заострённые колья, верёвочные петли, которые затягивались на шее бегущей антилопы.

Энкиду не знал, что такое зло. Он не знал, что эти люди делают это ради пищи. Но он видел, как одна из газелей, его подруга, попала в петлю и забилась, захлёбываясь собственным криком.

И в нём проснулось то, что вложила Аруру.

Ярость.

Он встал во весь рост. Его тень протянулась на полмили. Он издал звук — не крик, не вой, а нечто среднее между рыком медведя и хрипом урагана. Земля задрожала.

Охотники обернулись. Их лица побелели. Они бросили свои орудия, свои капканы, свои копья — и побежали. Но Энкиду не преследовал их. Он подошёл к ловушке, разорвал петлю своими когтистыми пальцами, взял раненую газель на руки и понёс обратно к стаду.

С тех пор он стал **защитником**.

Каждую ночь, когда охотники возвращались, он разрушал их капканы. Он вырывал колья из земли, ломал верёвки, закапывал ямы. Он не убивал людей — он был слишком чист для этого, — но он заставлял их бежать с криками ужаса.

Стих 3. Песнь охотников в степи

(они поют, возвращаясь в деревню с пустыми руками)

В степи живёт волосатый демон, Он выше кедра, он быстрее ветра. Он рвёт силки, он ломает ямы, Он охраняет зверей, как отец — детей.

Мы не видели его лица — только руки, Как корни дуба, как когти орла. Мы кладём дары у его порога, Но он не берёт — он не знает, что это еда.

Наши дочери боятся его имени, Наши сыновья не смеют идти в поход. Он — не человек, он — дикая сила, Он — то, что боги послали в наказание роду.

Они не знали, что этот "демон" был ответом на молитвы Урука. Они не знали, что он — не просто зверь, а оружие богов. Они знали только одно: степи больше не принадлежат человеку. Они принадлежат **ему**.

VI. Ночь, когда он впервые задумался

Проходили дни. Месяцы. Сменялись времена года. Энкиду жил среди зверей, ел с ними, пил с ними, спал с ними. Но однажды ночью, когда луна была полной и звёзды падали на землю, он лежал на спине и смотрел в небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.